

Часовой 1939 – Часовой. – Париж, 1939. – № 228–229.

Sergey V. Smirnov

**«RUSSIAN TSAR AND JAPANESE EMPEROR»:
RUSSIAN MONARCHIC MOVEMENT IN MANCHUKUO**

The article focused on the Monarchic Movement of Russian Émigrés in North-East China. Deals with problems relationship Russian Monarchic Movement and Japanese authorities in Manchukuo (1932–1945), a Russian Monarchist idea and ideology of Wang Tao, as a basis for building a Common Home of Nations Manchurian Empire.

Key words: the Russian Royalist Movement; the Legitimistic Movement; the Corps of Empyrean Army and Fleet Officers; the Pan-Asianism; Wang Tao; Russian Émigrés; Manchukuo.

Код ВАК 12.00.01

E. С. Соколова

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ЦАРСКОГО ТИТУЛА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ
(20–70-е гг. XVII в.)**

Статья посвящена выявлению основных направлений законодательной политики первых Романовых в области моделирования политико-правовой семантики царского титула. Автор приходит к выводу об отсутствии в допетровской России XVII в. цельной теоретической конструкции титулования, способствующей ее последовательному использованию в качестве правовой гарантии укрепления государственного суверенитета.

Соколова Елена Станиславовна, доцент кафедры истории государства и права Уральской государственной юридической академии (620137, Россия, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, 54); кандидат юридических наук, доцент.

Sokolova Elena, associate professor of the Department of History's State and Law of Ural State Law Academy (620137, Russia, Ekaterinburg, Kolmogorova Street, 54); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 245-35-98. Электронная почта/E-mail: elena.sokolova1812@yandex.ru.

Ключевые слова: самодержавие; царский титул; политико-правовая семантика; законодательство; первые Романовы; международное право; делопроизводственная практика; государственный суверенитет; юридический дискурс.

Вторая половина XVII в. оценивается в историографии российского самодержавия как условная точка отсчета, начиная с которой принято говорить о формировании тенденции к становлению царского единовластия, основанного на принципе законности. Правотворчество становится более последовательным и динамичным, что постепенно способствует окончательному вытеснению старомосковских обычаев из юридического быта Русского государства, быстро набирающего силу в ходе преодоления социально-политических последствий Смуты.

В новейшей научной литературе отмечается обусловленность доминирующей роли самодержавной модели организации государственной власти во всех сферах социальной жизни серьезными внешнеполитическими задачами и «жесткими обстоятельствами существования страны с ограниченным экономическим потенциалом». Ценностное значение данных ориентиров для возникновения некоей общей константы, определяющей основные направления правовой политики Российского государства, стало очевидным для правительственной элиты лишь в период петровских преобразований. В итоге верховная власть присвоила себе широкие легитимные полномочия для мобилизации человеческих и материальных ресурсов в процессе соперничества с европейскими державами за выход к незамерзающим морям. Тем не менее, вопреки мнению ряда историков о целенаправленном характере моделирования политического имиджа самодержавия правовыми средствами законодательство первых Романовых в данной сфере еще отличалось фрагментарностью и, в основном, было продиктовано конъюнктурными соображениями³⁶⁸.

Указанная тенденция хорошо прослеживается на многочисленных примерах нормативно-правовых актов допетровского времени, закрепляющих отдельные элементы внешней символики самодержавного принципа правления. Особая роль в его моделировании, происходившем с учетом необходимости безотлагательного преодоления внешнеполитических последствий Смуты, принадлежит многочисленным попыткам нормативного определения принципов конструирования царского титула. Анализируя семиотическую природу российской титулатуры на основе речевого дискурса дипломатических актов конца XV–XVI вв., Б. Успенский справедливо отмечал практическую заинтересованность великокняжеской власти в

³⁶⁸ Марасинова 2004: 129; Марасинова 2008: 111–225; Марасинова 2012: 66–93; Вульпис 2010: 14–21.

знаковых смыслах, позволяющих ей претендовать на расширение своих правомочий с целью достижения устойчивого международного статуса. В XVII в. эта внешнеполитическая задача приобрела особую актуальность в связи с притязаниями Польши на московский престол, постепенно иссякшими лишь после поражения в Смоленской войне.

Серьезная озабоченность законодателей вопросами титулования объяснялась тем, что правящие круги Речи Посполитой последовательно нарушали условия Деулинского перемирия, постоянно подвергая сомнению законность решений избирательного Земского Собора 1613 г. В этих условиях Москва предпочитала не акцентировать лишним раз внимание на многозначности славянского титула «царь», о которой справедливо говорили представители московско-тартусской школы семиотики. В законодательстве первых Романовых, регулирующих русско-польские отношения, признается возможность соотнесения царского титула с латинским словом «rex» применительно к затянувшемуся спору о том, кому должна принадлежать российская корона с точки зрения международного права того времени. По мере укрепления юридического статуса самодержавной власти важное политико-правовое значение приобретала семантическая основа принципов титулования, способствующая обеспечению внутреннего и внешнего суверенитета Российского государства в условиях отсутствия прочных юридических гарантий его незыблемости на институциональном уровне.

Внутриполитический аспект семантического значения титулатуры был юридизирован лишь к началу 60-х гг. XVII в. По общепринятому мнению, в этот период Россия достигла относительной стабилизации на международном уровне, а царская власть приобрела политическую устойчивость, благодаря целенаправленной поддержке Земских Соборов. Тем не менее, предметом особой заботы законодателя оставалось регулирование отношений Москвы с кочевыми народами, населявшими восточные и южные окраины Русского государства, вошедшие в его состав в результате т. н. «колониционных» процессов. На протяжении XVI–XVII вв. старомосковские законодатели разработали большое количество грамот и наказов с подробными предписаниями для местной администрации о том, какая политика должна проводиться по отношению к коренному местному населению. Основная идея данного комплекса нормативных актов заключалась в требовании поиска взаимоприемлемого компромисса между административными органами и «инородческими» племенами. Ориентируясь на договорный характер отношений с местной знатью, Москва действовала в интересах казны, которая ежегодно получала ясак пушным зверем от каждого племени на основании царских грамот с полным изложением царского титула.

Семантическое значение, которое верховная власть придавала официальной церемонии передачи ясака государевым служилым людям, прослеживается на примере царской грамоты от 28 января 1641 г., отправлен-

ной кузнецкому воеводе Дементию Кавтыреву. Формально речь в этом документе шла о наказании подьячего, брошенного в острог за «большую прописку» в имени и титуле Михаила Романова, допущенную в начальной строке грамоты об отправке «ясачной и поминочной казны». Подьячий, имя которого отсутствует в рассматриваемом документе, был нещадно бит батогами и отставлен от своей должности. Высочайший гнев обрушился и на воеводу Кавтырева. Законодатель упрекал его в «дурости» и попустительстве безделью подьячих, за которыми следует вычитывать каждую букву «царского имени» под страхом «большого наказания»³⁶⁹.

Требования верховной власти в отношении титулатуры отличались новизной и не были обеспечены постоянными нормами действующего законодательства, отсутствие которых подменялось казуистическими по своей юридической технике отдельными грамотами от царского имени. Не только рядовому подданному московских государей, но и высшим должностным лицам было сложно понять сущность новых запретов, которые нигде не разъяснялись и не подлежали обнародованию, являясь достоянием местной администрации. «Кузнецкое» дело рассматривалось до принятия Соборного Уложения, в котором отдельная глава посвящена преступлениям против государя и содержит жестокие устрашающие санкции.

Несмотря на явное стремление законодателя к разработке юридической основы для возвышения государя над обществом, статьи «Соборного Уложения» не отличаются последовательной разработкой правового статуса особы монарха, членов его семьи и царской власти как института государственного права. Отсутствует в нем и юридическое закрепление принципов титулатуры. Частично это обстоятельство объясняется слабым развитием в старомосковском правосознании XVII в. представления о сущности прав и обязанностей суверена. Можно согласиться с мнением значительной части исследователей, близких по своим методологическим позициям к государственно-юридической школе, о наличии серьезного влияния частноправового компонента на определение прерогатив царской власти в законодательстве первых Романовых.

Существует мнение, что российский юридический быт середины XVII в. отличался наличием в правосознании большинства московских людей представления об общности «государева» и «земского дела». Это происходило под непосредственным воздействием Смуты, оказавшей решающее воздействие на возникновение договорного характера взаимоотношений между новой выборной династией и сословными учреждениями. Таким образом, царь воспринимался как гарант благополучия своих поддан-

³⁶⁹ Успенский 2000; Строев, Коркунов 1841: 372 (1641 Генваря 28. Царская грамота Кузнецкому воеводе Дементию Кавтыреву, о наказании подьячего за описку в Царском титуле).

ных, но при этом его властные prerogatives слегка тускнели на фоне убеждения в том, что стабильность государства, в целом, зависит от совместных усилий верховной власти и «земли»³⁷⁰.

Иная юридическая направленность прослеживается в немногочисленных, но содержательных нормативных актах допетровского времени, вносящих изменения в царский титул и регулирующих порядок его использования на международно-правовом уровне. В период правления Алексея Михайловича повышение внешнеполитической активности России на западном направлении сопровождалось дипломатическими усилиями в области укрепления позиций царской власти в системе великих европейских держав. Законодатель придавал большое значение полноте титулатуры, акцентируя внимание на необходимости написания «во всех грамотах и договорах ... царского Титула вполне, как оные в Государственных актах в России изображаются»³⁷¹. Серьезное внимание уделялось и корректировке его формы, осуществление которой происходило по мере новых территориальных присоединений и демонстрировала идею целостности Русского государства на семантическом уровне. Нередко от способа решения данного вопроса зависел исход мирных переговоров, так как семантическое значение титула главы государства повсеместно воспринималось на смысловом уровне и моделировалось в соответствии с политическими намерениями и возможностями суверена.

Важность титулатуры для эффективной реализации международных отношений подчеркивалась, например, в комплексе русско-шведских договоров конца XVI – середины XVII в. В октябре 1649 г. между Стокгольмом и Москвой было, наконец, достигнуто соглашение по некоторым спорным вопросам, требовавшим разработки особого церемониала. Речь в данном случае шла о территориальных спорах по поводу земель в Лифляндии, закрепленных за Швецией на основании Тявзинского мирного договора 1595 г., отдельные статьи которого были подтверждены в 1609 г. на русско-шведской встрече послов в Выборге. Тот же вопрос поднимался при заключении Столбовского мира, когда шведы получили от имени Михаила Романова гарантию в том, что ни он, ни его наследники не станут включать в свой титул названия ливляндских городов, отошедших к шведской короне на основании подтверждающих грамот. Кроме того, российская сторона дала обязательство «Короне Свейской» «... их обычную титулу в Лифляндской земле и в Кореле давать»³⁷².

³⁷⁰ См., например: Тараповский 2004: 83–110.

³⁷¹ ПСЗ I. № 229: 454–456 (Мая 21, 1657. – О писании во всех грамотах и договорах Государева Царского Титула вполне, как оный в Государственных актах в России изображается).

³⁷² ПСЗ I. № 19: 184 (Октября 19/29, 1649. Договорная запись, учиненная в Стокгольме между Дворами Шведским и Российским).

В текст Столбовского мирного договора был включен пункт, касающийся еще одного спорного вопроса, возникшего в результате нежелания Москвы окончательно признать право Швеции на Ижорские земли. Согласно достигнутой между обеими сторонами договоренности, соответствующие «титлы» должны были употребляться только в полной королевской титулатуре. В свою очередь, шведы дали согласие на то, чтобы за Михаилом Романовым был сохранен титул «Государя и Обладателя ... «иных многих Государств», расположенных по западным, восточным и северным границам Московской Руси. Эта формулировка воспринималась шведской стороной весьма осторожно, так как возможность ее практического воплощения создавала угрозу дестабилизации на севере Европы случае в восточноевропейском регионе. Учитывая данное обстоятельство, при заключении Столбовского мира послы России и Швеции договорились о максимальном уступлении процедуры употребления полного титула в дипломатической переписке высочайших особ. Предполагалось, что в этом случае обе стороны должны были направить друг другу две «подтвержденные грамоты, одна с полною титлою, а другая ... с короткими»³⁷³.

В 1650 г. на фоне обострения конфликта с Речью Посполитой из-за Украины аналогичные договоренности о правильном употреблении царского титула были достигнуты с королем Яном Казимиром. Поводом для претензий московской стороны к Варшаве стали случаи неоднократного нарушения царской титулатуры в административной переписке и дипломатической практике, вопреки условиям Поляновского мирного договора, заключенного в 1634 г. после успешного для России окончания Смоленской войны. Чтобы не осложнять и без того напряженные отношения между Московской Русью и Польшей, польская сторона обязалась собрать всех лиц виновных «в прописках и умалениях» титула на первом же сейме и судить их «по праву Коронным и Великого Княжества Литовскаго и во дуге конституцые лета 1637 г. ...» в присутствии московских послов³⁷⁴.

Подобные дипломатические уступки практиковались и в русско-шведских отношениях по инициативе Стокгольма, заинтересованного в окончательном урегулировании «прибалтийского вопроса» на фоне военных неудач России в Ливонии 1656–1658 гг. 21 мая 1657 г. шведская сторона даже сочла для себя возможным дать согласие на употребление в дипломатической практике полного царского титула. Это решение мотивировалось необходимостью «чтоб доброе дело и мирный договор о том не стали, буде Его Королевскаго Величества в верюющей грамоте с полными титлы зачинанья договору не будет». Основной спор между шведскими послами

³⁷³ Там же: 184–185.

³⁷⁴ ПСЗ I. № 40: 238–241 (Июля 23, 1650. Договорныя статьи, учиненныя в Варшаве между дворами Польским и Российским).

Ессеном и Крузенстерном и российской стороны возник из-за официально выраженных в полной формулировке титула притязаний московских государей на то, чтобы именоваться «землям восточным и западным и северным отчичу и дедичу и Наследнику и Государю и Обладателю». Желая поскорее заключить мир на достаточно выгодных для Швеции условиях, король Карл-Густав подписал 10 декабря 1657 г. грамоту, в которой выразил свое согласие на именование Алексея Михайловича полным титулом. В свою очередь, на заседании Боярской Думы 30 апреля 1657 г. на основании совместного приговора царь дал «обнадеживание» в том, что не имеет никаких притязаний на земли, принадлежащие шведской короне³⁷⁵.

Вопрос о титуле был поднят еще раз русскими и шведскими дипломатами при заключении Кардисского мира. Согласно условиям мирного договора, в дипломатической практике между Россией и Швецией было установлено употребление полного титула «по их обоим Великих Государей достоинству и чести, безо всякого умаления писати, как они обои Великие Государи сами себя описуют». В тексте договора при этом содержалась отсылка к теории божественного происхождения верховной власти и ее прерогатив. Отмечалось, например, что полная титулатура впредь может пополняться названиями тех территорий, «что Бог одному или другому Великому Государю вперед в землях или городех от их недругов поручить будет». По условиям договора при этом исключалась возможность обновления титула за счет нарушения взаимных интересов и достигнутых договоренностей. В дипломатической переписке с другими государствами обе стороны обязались использовать краткие формулировки, именуя себя «Его Корольским Величеством Свейским и Его Царским Величеством Российским»³⁷⁶. Таким образом, семантический язык титулатуры мог меняться в зависимости от обстоятельств, а ее формулировки, в основном, свидетельствовали об отсутствии устойчивого международного статуса самодержавной власти и ее стремлении при благоприятных обстоятельствах утвердить его на правовой основе.

Решение вопроса о взаимном титуловании было настолько актуальной проблемой российской дипломатической практики на протяжении всего XVII в., что 21 декабря 1655 г. царь Алексей Михайлович именным указом запретил послам, посланникам и гонцам, отправленным в соседние страны, вести между собою местнические споры, способные помешать за-

³⁷⁵ Там же. № 228: 451–454 (Мая 21, 1657. Запись, učinенная в Москве между Шведскими послами и Российскими боярами).

³⁷⁶ ПСЗ I. № 229: 454–456 (Мая 21, 1657. – О писании во всех грамотах и договорах Государева Царского титула вполне ...); Там же. № 301: 532–551 (Июня 21, 1661. – Договор между Шведскими и Российскими Государствами, заключенный на съезде между Кольвапи и Юрьева в Кардисе, полномочными послами).

щите международных интересов Московского государства³⁷⁷. Однозначная позиция законодателя по данному вопросу станет понятной, если принять во внимание нежелание европейских держав считаться с территориальными притязаниями российских самодержцев, для обоснования которых нередко, в первую очередь, использовался религиозный фактор, а уже затем ссылка на «исконную» принадлежность спорных земель российской короне.

Недостаток международного веса вынужденно компенсировался военными успехами России, которые в 60-е гг. XVII в. послужили беспроигрышным дополнением к несостоявшейся дипломатии. В тексте Андрусовского договора 1667 г. уже отсутствует какое-либо упоминание о русско-польских противоречиях по вопросу о титуловании. Его составители лишь отметили необходимость соблюдения принципа равенства сторон в дипломатическом церемониале, требующем «послов и посланников и гонцов ... принимать и отпускать с почестью против достоинства, и приезд и отъезд им имеет быть добровольно безо всякой зацепки и задержания»³⁷⁸.

Более подробные сведения об изменениях, произошедших к 1667 г. в официальном обосновании легитимности царского титула первых Романовых, содержатся в одном из именных указов Алексея Михайловича. Прежде всего, законодатель обращает здесь внимание на законность избрания Михаила Федоровича, ближайший преемник которого также «изволил» принять все царские регалии и «святое» миропомазание 28 сентября 1645 г. «по Царскому древнему чину и достоинству». В указе особо подчеркивается, что основным юридическим последствием неотъемлемого права первых Романовых на «превысочайший престол» является прерогатива распространения самодержавной власти «...и на все новоприбылые государства, иже в державе и во области Российского Царствия взяты...». Помимо этого, царь отметил несомненную законность присвоения им титула князя Литовского, что, по его словам, было продиктовано, прежде всего, «праведным» возвращением в Москву «извечных отчин» Смоленска и Чернигова наряду с отвоеванием у поляков «города ... Вильно и многия Воеводств и Малой и Белой Руси и всей Волыни и Подолия...»³⁷⁹.

Тем не менее, после окончания русско-польской войны за Украину российская дипломатия была вынуждена действовать в рамках иной геополитической ситуации. Основным поводом для утверждения царского указа 1667 г. стали официальные изменения в титуле и государственной печати.

³⁷⁷ Там же. № 169: 371 (Декабря 21, 1655. – О бытие во всех Государствах Российским послам и посланникам между собою без мест).

³⁷⁸ Там же. № 398. л. П. 20–22: 665–666 (Генваря 30, 1667. – Договор о перемирии на 13 лет и 6 месяцев между Государствами Российским и Польским, учиненный на съезде в деревне Андрусове полномочными послами).

³⁷⁹ ИСЗ I. № 421: 734–738 (Именный. – О титуле Царском и о Государственной печати).

принятые в соответствии с условиями Андрусовского перемирия. Алексею Михайловичу пришлось отказаться от притязания на статус Великого Князя Литовского, вызывавшего резкие и неоднократные возражения Варшавы. Новые нюансы появились в оформлении печати, где в описание царского титула было включено указание на подчинение «Великия и Малья и Белья России» верховной власти московских самодержцев. Большое внимание было уделено и разработке визуально-мнемонических кодов, направленных на закрепление преемственного права первых Романовых на российский престол, принадлежавший их «прародителям». С этой целью в изображении герба вводился «знак отчича и дедича», расположенный под орлом, а «на персех» его предполагалось сделать «изображение наследника»³⁸⁰.

Иным характером отличался политико-правовой сценарий, разработанный старомосковскими законодателями по отношению к австрийскому двору с целью повышения статусного значения российского самодержавия в международной сфере. Рассматривая самодержавие как аналог классической формы «цесарской власти», Москва к середине XVII в. стала активно добиваться внесения изменений в посольский этикет, способствующих установлению формального равенства между царем Алексеем Михайловичем и носителем «Цесарского» титула. В частности, 9 октября 1675 г. на русско-австрийских переговорах был поднят вопрос о титулатуре. Москва, в частности, указывала на недопустимость именования Великого Государя «Пресветлейшеством» в императорских грамотах, видя в этом неправомерное умаление самодержавных prerogatives.

Аргументируя свою позицию по данному вопросу на основании теории божественного происхождения верховной власти, представители московского двора приводили в качестве идеального образца соблюдения дипломатического этикета переписку Посольского приказа с «Христианскими великими Государями». По словам законодателя, обращаясь к Алексею Михайловичу, те «пишут в грамотах своих ... в титуле Царское Величество, и то они чинят по должности, потому что то дано от Бога...». С точки зрения Вены, притязания Москвы не имели под собой серьезного политико-правового обоснования, о чем прямо заявили на переговорах императорские послы. Московский двор получил с их стороны серьезную «отповедь ... о титуле Величества что достоин». По мнению австрийской стороны, данная титулатура была обязана своим происхождением древнему посольскому обычаю и «всегда единому Римскому Цесарю надлежит, и никто еще не объявился Цесарю в том противен, или б упорно стоял...». Помимо этого Вена выражала надежду на то, что московские государи не станут произвольно нарушать уже сложившуюся в европейском мире иерархию титуло-

³⁸⁰ Там же.

вания. Императорские послы, в частности, отмечали, что титул «Пресветлейшество» истари принадлежит королям, которым воздается, таким образом, то, что принадлежит им по достоинству, «чего переменить не возможно»³⁸¹.

Ярко выраженная ориентация московского двора на обеспечение внешнего суверенитета Русского государства при помощи нормативного закрепления правил титулатуры сопровождалась принятием мер, повышающих социально-политический авторитет самодержавия внутри страны. Эта цель достигалась, прежде всего, методом устрашения, так как законодатель придавал большое значение правильному оформлению официальной документации с указанием полного царского титула. Например, 14 августа 1658 г. на основании именного указа, объявленного в Розряде тайных дел, был приговорен к наказанию кнутом подьячий Патриаршего и Дворцового приказа Ларка Александров «за прописку Его Государева Именованья...». Еще один казус об ошибке в царском титуле был рассмотрен в сентябре 1663 г. на заседании Боярской Думы в присутствии государя. Суть его заключалась в том, что орловский губной староста Алфим Некрасов «в отписке своей Великого Государя именованье прописал», а губной дьяк Марк Коробов, не только не нашел допущенную ошибку, но и «ту отписку читал перед Разбойным приказом» при большом скоплении народа. В результате оба нарушителя были приговорены к уголовным наказаниям. Староста Некрасов оказался на неделю в московской тюрьме, а Коробова бояре приговорили к «нешадному» наказанию батогами³⁸².

В уголовно-правовой практике, направленной на поддержание «государевой чести», встречались и курьезные случаи, необычность которых не служила, однако, смягчающим обстоятельством для виновных. Описание одного из таких казусов содержится в именном указе от 13 сентября 1664 г., где изложены обстоятельства розыска, проведенного среди «тюремных сидельцев» Переславля-Рязанского по факту неподобающего употребления царского титула. Делю начало с «извета», сделанного по какому-то корыстному расчету церковным татем Василием Лукьяновым о «неистовом слове», имевшем место во время вспыхнувшей между «колюдниками» ссоры. Во время пытки, проведенной в соответствии с законодательными нормами Соборного Уложения, Лукьянов показал, что, выясняя между собой отношения, некие Ивашко Татаринов и Пронька Козулин

³⁸¹ ПСЗ I. № 610: 1011–1012 (Октябрь 9, 1675. Запись, учиненная в Москве между Российским и Цесарским дворами).

³⁸² ПСЗ I. № 233: 459 (Августа 14, 1658. – О наказании кнутом подьячего за прописку Государева наименования); Там же. № 351: 584 (Сентября 26, 1663. – О посадении в тюрьму на неделю губного старосту Некрасова, за прописку титула Государя и о наказании батогами губного Дьяка Коробова, который ту отписку читал перед Разбойным приказом).

подначивали друг друга, называя своего товарища Демку Прокофьева царем и господином.

Местная администрация нашла этот случай настолько серьезным, что материалы уголовного дела были отправлены в Москву, откуда пришла именная грамота об урезании языка «сидельцу» Козулину по результатам «роспросных и пыточных речей» за неуважение к царскому титулу. В данном случае предметом особой заботы законодателя стало обоснование легитимности вынесенного приговора, сделанное на основании норм Соборного Уложения, регулирующих процедуру «слова и дела». Согласно именному указу от 13 сентября 1664 г. в Переяславль-Рязанский было направлено предписание о применении пытки к обоим фигурантам дела в том случае, если «он Васька (Лукьянов – Е. С.) с пытки скажет против прежнего своего извету...». Кроме того, Алексей Михайлович приказал «к себе Великому Государю отписать тотчас» в том случае, если по сыску выяснится, что дело не имеет под собой оснований и его «затеяли напрасно»³⁸³.

Строгость законодателя в пресечении даже непреднамеренных нарушений в правилах титулования объяснялась не только соображениями внешнеполитической конъюнктуры, но и случаями пренебрежения к предписаниям верховной власти, которые имели место со стороны высших чинов Московского государства. Тенденция к самостоятельной интерпретации предписаний государя при отсутствии общепринятых официальных формулировок в деловой переписке Москвы с местной администрацией, иногда приводила к суровым ответам со стороны верховной власти, адресатами которых на законодательном уровне являлись должностные лица восводского управления. В частности, 27 декабря 1670 г. Алексей Михайлович утвердил грамоту, отправленную от его имени стольнику и восводе Ивану Бутурлину с царским выговором «за неприличное выражение в отписке». Суть произошедшего инцидента заключалась в следующем. Бутурлин намеренно отказался в своей корреспонденции, адресованной царю, от принятых в административном делопроизводстве того времени формулировок, содержащих речевые обороты, призванные подчеркнуть публичный характер верховной власти. Обращаясь к Алексею Михайловичу, он уведомил царя, что присланный от московского двора стольник Федор Бутурлин «спрашивал его о здоровье», что, по словам законодателя, «в отписке своей писать непригоже и неостерегательно»³⁸⁴.

³⁸³ Там же. № 362: 592 (Сентября 15, 1664. Об урезании языка Прошке Козулину, если по розыску окажется, что он пазвал Демку Прокофьева Царем Ивашки Татаршова).

³⁸⁴ ПСЗ I. № 485: 853 (Февраля 14, 1670. – Грамота с объявлением выговора Стольнику Бутурлину и Дьяку за неприличное выражение в отписке).

Отмечая, что в официальных документах следует придерживаться общепринятого стиля, свидетельствующего о милостивом отношении государя к своим служилым людям, составитель грамоты от царского имени возложил основную вину на воеводского дьяка, обязанного хорошо разбираться в подобных тонкостях. Таким образом, прагматический аспект законодательства о титулатуре, направленный на укрепление внешнеполитических позиций Российского государства, был усилен ужесточением юридической ответственности за намеренное и случайное пренебрежение его семантикой на внутригосударственном уровне. Постепенное вызревание данной тенденции в правотворчестве 60-70-х гг. XVII в. частично предопределило обращение законодателей последующего периода к разработке формальных критериев титулования применительно к делопроизводственной практике и дипломатической переписке.

Законодательные сюжеты, приведенные в качестве наиболее ярких примеров моделирования правовой политики первых Романовых в области нормативного закрепления мнемонической основы царского титула, позволяют сделать вывод об отсутствии в юридическом арсенале московских законодателей продуманной и цельной концепции государственного суверенитета. Тем не менее, высказанное некоторыми современными исследователями мнение о том, что отсутствие данного понятия в нормативно-правовых актах XVII в. не даст возможности говорить о наличии каких-либо признаков института суверена в российском законодательстве периода раннего Нового времени все же носит дискуссионный характер с позиций историко-правовой науки. Становление и развитие любой исторической сложившейся формы государства требует определенных волевых действий со стороны правительственной элиты, персонифицирующей институт государственной власти. Их эффективность напрямую зависит от степени самостоятельности ее властных правомочий как внутри государства, так и за его пределами. Когда Жан Боден ввел в теорию государственного права понятие «суверенитет» он лишь закрепил на вербальном уровне тот феномен, который юристы предшествующих поколений именовали независимостью короля в силу божественного происхождения его прерогатив. Под воздействием ряда культурно-исторических обстоятельств западный вариант «суверенитета» изначально развивался по пути моделирования архетипа «законной монархии». Схожие идеи высказывались и в некоторых российских политико-правовых концепциях XV–XVI вв., специфика которых, правда, нередко сводится к отрицанию ведущей роли юридического закона в управлении государством и абсолютизации воли монарха.

В период правления первых Романовых легитимация верховной власти благодаря ее выборному характеру уже происходила на основе постепенной реабилитации принципа законности. Это предопределило повышенное внимание законодателя к вопросу о юридической составляющей правомочий монарха и, в целом, способствовало возникновению тенденции

к ограничению деспотической основы российского самодержавия. Тем не менее, XVII в. в истории российского государства и права с некоторой долей условности можно оценивать как период господства «вотчинной» конструкции государства в официальном и частном правосознании, нашедшей свое отражение на уровне понятийного аппарата с его тягой к средневековой казуистичности.

В этих условиях большое значение для повышения социально-политического авторитета стала играть внешняя символика государственной власти, включая титулатуру. Ее вербальные конструкции разрабатывались с учетом потребности Российского государства в укреплении своего международного статуса и внутривластной стабильности, возникшей под воздействием комплекса факторов, опосредованных неблагоприятной внешнеполитической ситуацией и последствиями Смуты. Моделирование семантической основы внешних атрибутов государственной власти стало составной частью юридического дискурса эпохи правления первых Романовых, что, в конечном итоге, длительное время позволяло обходиться на законодательном уровне без абстрактных дефиниций понятия «самодержавие» и в дальнейшем способствовало введению словосочетания «неограниченная власть» в определение его юридической сущности.

Список источников и литературы

- Вульпиус 2010 – Вульпиус Р. Вестернизация России и формирование российской цивилизаторской миссии в XVIII веке // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917)* / Ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2010. – С. 14–21.
- Марасинова 2004 – Марасинова Е. Н. Государственная идея в России первой четверти XVIII в. (К истории формирования понятий и терминов) // *Европейское Просвещение и цивилизация России* / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. – М.: Наука, 2004.
- Марасинова 2008 – Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века / Отв. ред. Л. В. Милов. – М.: Наука, 2008.
- Марасинова 2012 – Марасинова Е. Н. Закон в России второй половины XVIII века // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода / Ред. А. Миллер, Д. Сдвижков, И. Ширле. – М.: НЛЮ, 2012. – Т. 1.
- ПСЗ I – Полное собрание законов Российской империи. – СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830–1917. – Собр. I. – Т. 1.

- Строев. Коржунов 1841 – Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссиею. Т. 3. 1613–1645 / ред. С. Строев. М. Коржунов. – СПб.: Тип. Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1841.
- Тарановский 2004 – Тарановский Ф. В. История русского права. – М.: Зерцало, 2004.
- Успенский 2000 – Успенский Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. – М.: Языки русской культуры, 2000.

Elena S. Sokolova

**SEMANTIC MODEL OF THE ROYAL TITLE
IN THE LEGISLATIVE OF FIRST ROMANOV
(20–70th OF THE XVII CENTURY)**

The article is devoted to the identification of key areas of legislative policy of the first Romanovs in the modeling of the politico-legal semantics royal title. The author comes to the conclusion that there is no pre-Petrine Russia in the XVII century solid theoretical framework of the practice of titles, conducive to its consistent use as a legal guarantee of strengthening state sovereignty.

Key words: autocracy; the royal title; political and legal semantics; legislation; first Romanovs; international law; clerical practice; state sovereignty; legal discourse.